

В.П.Желиховская

Из-за океана. Похороны феозофа¹

Члены так называемой *Новой Веры* (New Faith), с странными теориями которых мы ознакомились в прошлый раз, не стесняясь репутацией вполне христианской конгрегации, которую стремятся создать им некоторые их сторонники, увеселяют американскую публику не только спиритическими сеансами, но и языческими обрядами похорон одного из своих товарищей феозофов в Нью-Йорке, а потом сожжением его набальзамированного трупа в Вашингтоне.

Я говорю о похоронах барона де Пальма², наделавших много шума не только в Америке, но и в европейских газетах.

Вот что пишет об этой церемонии американский «Times»³:

«Вчера феозофическое⁴ общество в своем большом масонском храме торжественно отправляло языческие обряды над телом барона де Пальма, бывшего при жизни, а по их понятиям, и поныне *за гробом сущего* товарища и члена их конгрегации, которой он завещал все свое земное достояние. Он завещал также обществу похоронить тело свое не по христианским обрядам, а так, как того требовало его собственное, личное убеждение: он желал быть сожженным по египетскому закону. По этому случаю в среде общества, не отличающегося особенным согласием верований, происходило много толков и распрей. Следствием этих несогласий было изобретение не совсем понятного, зато вполне нового богослужения. Недоброжелатели общества распространили слух, что весь египетский церемониал со включением гласного обсуждения всей жизни покойного – грехов его и достоинств – будет строго выполнен и, вероятно, благодаря этому слуху на погребение собрались несчетные толпы народа. Главный зал храма чрезвычайно высок, сумрачен и велик: в нем свободно вмещается 2000 спокойных полукресел. В глубине его, против главных дверей, находится просторная платформа, под сводом; налево – дверь в другую меньшую залу; направо – великолепный орган. Прямо, против собрания, на платформе возвышался стол, покрытый простым, черным сукном; за ним, по задней стене платформы, были расположены с полдюжины спокойных с великолепнейшей резьбой кресел (для официаторов⁵) с высоким, обитым голубым бархатом такого же стиля троном посередине (для президента). На столе стояли останки барона в простом, полированном гробе, на котором была изображена звезда из семи разноцветных свечей, расположенных двумя треугольниками: две – красного воска, две – зеленого, две – белые и одна в центре – голубая. Ордена, которых у покойного было довольно, его патент на титул с гербовой печатью и шпагой были разложены возле, по черному сукну стола. Во главе гроба возвышалось изображение кольца из змея, а в ногах стоял стеклянный глобус с песочными часами. В некотором расстоянии от них на одном конце траурного стола был поставлен пюпитр, а на другом камильница с фимиамом.

Орган заиграл нечто погребально торжественное. Иной раз звуки переходили в общеизвестные мотивы христианских гимнов, которым многие из присутствующих спешили вполголоса вторить, но эти произвольные хоры беспрестанно должны были прерываться и умолкать, потому что мелодия то и дело менялась, и в целом все же это была всем чуждая языческая музыка.

Посторонняя публика (в особенности женщины) совершенно переполнила храм. Она вторглась даже в область хозяев-феозофов, бесцеремонно заняв приготовленные для них

Статья публикуется по газете: Тифлисский вестник, 1877, №49, 8 марта; №50, 9 марта; автор не указан.

¹ теософа (англ. theosophist).

² Пальм Джозеф (1809–1876) – американский теософ.

³ См.: Теософские похороны // The New York Times, 1876, 29 мая.

⁴ теософическое (англ. theosophical).

⁵ совершающих обряд (от англ. officiate).

отдельные места. К 4 час[ам] в храме не оставалось свободного полуфута⁶ пространства, несмотря на то, что большинство зрителей стояли. Для священного и в особенности похоронного торжества толпа была слишком оживлена, можно сказать, даже слишком шумна...

Все ожидали в волнении...

28 мая. Бальзамирован и превращен в Египетскую Мумию, Теозофическим Обществом 15 Июня – и предан сожжению в Крематории Доктора Ле-Муана, перед Комитетом ученых Депутатов Коллегиума Докторов Медицины Осенью 1876. года.
 Мир праху Его.
 (Шепел Барона находится в лакриматорной Урне Теозофического Общества и стоит в углу в Зале Совета.)

RUS. HISTOR. ARCHIV.
 № 10.265
 Sign.

p-5982-1-122-106b

Фотография барона Дж. Пальма с записью Е.П.Блаватской:

«Барон де Пальм. Член Теозофического Нью-Йоркского Общества, умер 20 Мая; похороны Египетские совершены над ним во Храме Фран[к]-Масонской ложи 28 мая. Бальзамирован и превращен в Египетскую Мумию Теозофическим Обществом 15 Июня – и предан сожжению в Крематории Доктора Ле-Муана перед Комитетом ученых Депутатов Коллегиума Докторов Медицины Осенью 1876 года. Мир праху Его. (Шепел Барона находится в лакриматорной Урне Теозофического Общества и стоит в углу в Зале Совета.) (ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 122. Л. 10–106б.; см. также: <http://art-roerich.org.ua/blavatskaya/articles.html>).

Наконец, на платформу вышел чрезвычайно респектабельный господин в обыкновенной одежде и засветил семь звездообразных свечей, которые вспыхнули ярко-желтым пламенем. Потом он зажег фимиам в курильнице, из которой тотчас поднялся черный столб дыма. Между тем из комнаты налево медленно выходили на платформу действующие лица церемонии. Восемь членов-теозофов с своим президентом во главе торжественно выступали один за другим и заняли соответствующие им места в вышесказанных креслах. На них были надеты длинные и широкие черные плащи с развевающимися рукавами, плотно застегнутые у горла и слегка подобранные у пояса. У всех были зеленые ветви мирта в руках. Все казались возбуждены и проникнуты торжественностью минуты... Двое или трое из них были люди немолодые с сединой в волосах,

⁶ Фут – единица измерения длины, равная 0,3048 м.

другие совсем юноши... Между первыми мы узнали достопочтенного Ф.Томаса⁷, уважаемого члена нашей (англиканской) церкви. Полковник Олькотт⁸ – человек высокого роста и весьма внушительной наружности. Длинная черная борода его уж сильно серебрится, прекрасные глаза смотрят гордо и пронизательно.

В эту минуту из той же двери налево вышла дама, привлекающая общее внимание: это была наша новая, талантливая беллетристка, русская по происхождению, по положению – секретарь-корреспондент феозофического общества, Е.П.Блаватская. Она, однако, не осталась на платформе, но спустилась к зрителям и заняла сохраненное для нее в первом ряду место.

Тут президент общества, а за ним и его семь сподвижников поднялись, и полковник Олькотт произнес несколько слов, клонившихся к объяснению присутствующим, что, не будучи коротко знакомы с прошлой жизнью их *удалившегося* собрата, они считают за лучшее пропустить церемонию “загробного суда”, т.е. рассуждения о грехах и достоинствах покойного и о том, заслужил ли он земным своим странствием возможность *освобожденному* своему духу воспарить в присутствии божества.

“Мы здесь собрались не для того, чтоб *во всем* подражать египетским обрядам, – заключил он свою речь, – или чтоб дать публике понятие об истинно феозофском погребальном торжестве, а затем только, чтоб простой церемонией этой выполнить последнее мирское желание нашего собрата и друга. Лэди и джентльмены! Мы в присутствии смерти!.. Я надеюсь, что этого напоминания достаточно для всякого себя уважающего здесь лица, чтоб заставить всех держать себя соответственно погребальному торжеству”.

Это своевременное замечание было и нужно, и действительно: волнение и шум умолкли. Джентльмены-официаторы уселись; орган заиграл снова, медленно и мелодично. Ему аккомпанировало трио из двух дам и одного мужчины, певших теургический гимн:

О, безграничная премудрость! Неведомый отец!
Чистейший владыко всех чистых сердец!
Грядем к тебе, великий Адонай,
Сотворивший семь небес, их славой озаривший!
Грядем к тебе!

После этого гимна восемь джентльменов опять встали и мерно подошли к катафалку. Некоторые из них молитвенно подняли глаза горе, другие, напротив, склонили головы долу, в избытке чувств совсем закрыв глаза, в то время как достопочтенный м-р Фредерик Томас подошел к пюпитру и громко, хотя несколько поспешно, прочел довольно длинную и весьма своеобразную молитву, которою испрашивал благословения Иеговы.

Орган зазвучал снова и во все время следующей оригинальной беседы семерых действующих лиц звучал при каждой паузе.

Сначала полковник Олькотт, стоявший в середине, прочел из маленькой, в золотом переплете, книги:

“Божественный свет – отражение высшего разума глагола Божия, озаряющий каждого грядущего в мире, равно освещает верующих всех исповеданий. Единое и всемирное откровение начертано во всей видимой природе; оно объясняется разумом и дополняется аналогиями религии”.

После нескольких аккордов органа заговорил сосед президента по правую руку:

“То, что мы зовем *смертью*, есть только *изменение*. Высший разум, будучи неизменяем, не знает уничтожения. Мысли, раз произнесенные, обретают бессмертие”.

Президент: “В каком состоянии находится мир невидимый?”

⁷ В тексте статьи: T.Frederick Thompson.

⁸ Олькотт Генри Стил (1832–1907) – американский журналист, издатель, адвокат, один из основателей и первый президент Теософского общества.

Седовласый феооф: “Нет мира безусловно невидимого: существуют только различные степени совершенства наших органов. Тело наше, грубейший вид творения, есть лишь несовершенная, временная, обреченная перемене оболочка души”.

Президент: “Что заменяет душе нашей, уже подвергшейся перемене оболочки, земное зрение?”

Сосед его слева: “Душа не нуждается в телесных органах. Она производит все сущее в мире, осязаемое и неосязаемое, силою своей чувствительности и восприимчивости”.

Президент: “Что же есть смерть? Что вы называете смертию?”

Молодой собрат: “Мы зовем смертию – изменение к лучшему всех свойств нашего духа, не стесняемых более материей. Мы умираем и снова возрождаемся, ибо оболочка всего живущего ежедневно изменяется. В природе нет смерти: все в ней живо”.

Президент: “Какую мы имеем очевидность продолжения деятельности после смерти?”

Один из молодых феоофов: “Ту, что смерти, в смысле истребления, – нет! Даже тело наше после смерти продолжает жить: оно разлагается, но все атомы, его составлявшие, живут отдельной жизнью, движутся и стремятся к освобождению”.

Президент: “Каким же образом поддерживается равновесие общего движения?”

Один из старших членов: “Силою *антагонизма*. Жизнь и смерть, свет и тень, добро и зло, дух и материя – держат весы всей природы в равновесии”.

Президент: “Есть лишь одна первая причина...”

Голос из толпы: “Это ложь!”

Всеобщее смятение...

Публика встает с мест, оборачивается в беспокойстве. Можно было бы опасаться последствий того общего, неожиданного волнения, если б полковник Олкотт не нашелся и не продолжал совершенно невозмутимо спокойным и ровным голосом:

“Единая причина – несотворенная, вечная, бесконечная и неведомая. Дух человеческий бессмертен, а земная жизнь наша – лишь ничтожная точка в вечности. Гармония заключается в равновесии, а равновесие поддерживается аналогией противоположностей⁹...”

Равновесие, однако же, не поддерживалось более в этой зале, и *общая гармония* была нарушена, по крайней мере, минут на пять.

“Идите-ка вы сюда”, – послышалось в толпе воззвание полицейского, обращенное, вероятно, к лицу, веровавшему [в] две первые причины. Опять волнение. М-ме Блаватская заметила несколько торжественно, что это “какой-нибудь ханжа, на которого не стоило обращать внимания”. Хор и орган заглушили дальнейшие восклицания, и порядок мало-помалу водворился.

Полковник Олкотт подошел к пюпитру, невозмучено¹⁰ выждав, чтоб воцарилось полнейшее молчание, звучным, приятным голосом начал говорить. Он дал отчет о происхождении и задачах феоофического общества; объяснил его цель: изучение психологических сил человека и влияния их на законы природы. Он рассказал, как покойный барон, быв смолоду человеком тщеславным, избалованным (и высоким положением своим, и большим состоянием) придворным, с годами начал смотреть серьезней на жизнь и ее значение; начал ревностно искать истинного смысла ее и в науке, и в религиях и нигде не находил удовлетворения своим вопросам и требованиям. Наконец усталый, он покинул Европу и поселился на северо-западе Америки, надеясь найти отдохновение и нравственное спокойствие в общении с полудикими индейцами¹¹. Но и тут желание найти истину не оставляло его. Он случайно попал в общество нескольких спиритов и обратился к ним в надежде найти в их учении ту истину, которую напрасно искал в церквях всех вероисповеданий. “Он не ошибся в своей надежде. Не довольствуясь тем, что, присутствуя на сеансах наших, он стал очевидцем явлений, сразу рассеявших сомнения его в продолжении жизни нашей за гробом, барон де Пальм желал узнать *законы*, силой которых эти явления производились. С этой целью он вступил членом в наше феоофическое общество и много

⁹ противоположностей (*устар.*).

¹⁰ невозмучено.

¹¹ Так в тексте; необходимо: индейцами.

раз потом выражал свою радость о том, что попал, наконец, на истинный путь, осмысливший в глазах его все значение человеческой жизни и озаривший ярким светом будущность, закрытую доселе темной завесой смерти”...

Далее полк[овник] Олькотт вдается в разбор несостоятельности христианского обряда отпущения грехов умершим, выражая уверенность, что никакие моления, ни церковные торжества не искупят преступлений наших, что грешник и праведник равно должны пожать *в будущей* жизни то, что посеяли *в здешней*, и могут лишь уповать на милосердие Единого Творца, имущего¹² власть отпускать прегрешения. Он очень веско распространился о злоупотреблениях духовенства этим и многими другими правами, и несколько раз должен был усмирять взрывы аплодисментов, заглушавших его речь. Он заключил ее следующими словами:

“Если умерший друг наш вел жизнь чистую, если он достойно развивал вверенные ему Творцом дарования – порадуемся, что ныне ему будет воздано по заслугам. Если же нет – то никакое желание наше не облегчит его состояния: не в нашей власти отпустить ему ни йоты из прошлых деяний его. Он ведал, что творил, ибо был убежден, вместе с нами, в истине Аристофанова¹³ возгласа, столь часто принимаемого людьми за парадокс: «Не жить – есть жить!» Возглас перефразированный яснее Фриксом: “Умереть – есть ожить!”»

Так как в то время в Америке не существовало еще крематории (газовой печи для сожигания трупов), то тело барона де Пальма было набальзамировано и временно опущено в склеп при лютеранской церкви. Через шесть же месяцев, в декабре прошлого года, таковая была окончена в Вашингтоне (доктором Ж.Лемуаном¹⁴): она обошлась строителям в 20000 долларов, и труп барона де Пальма был первым в нем сожжен¹⁵. При депутации от феозофического общества и съезде из всех штатов многих ученых докторов, естествоиспытателей и просто любопытных набальзамированный труп (препровожденный заранее в Вашингтон) 4-го декабря был торжественно перенесен в здание крематории. Там его вынули из гроба, уложили на нечто вроде сетчатой железной колыбели, покрыли цветами, ароматными травами, полили духами и предали, наконец, пламени зажженного газа...

Чрез три часа от знаменитого феозофа осталось фунтов¹⁶ пять пепла, который, остудивши, члены общества благоговейно высыпали в нарочно для этого выписанную с верховьев Нила древнюю урну из красной глины. Урна эта должна храниться в нью-йоркском фран[к]-масонском главном храме. Но предварительно президент общества и несколько его членов взяли себе, на память, по шепотке пепла своего бывшего товарища... Интересно знать: при будущих явлениях барона де Пальма в состоянии *материализации* не будет ли отделение этих *щепоток* иметь влияние на наружный вид его *духа*?.. Ведь я думаю, почтенному феозофу было бы весьма совестно *явиться* пред многочисленным собранием своих поклонников и поклонниц с каким-нибудь *изъяном* в виде недостающего уха или кончика носа!..

Об этом я вскоре жду дальнейших известий из Нью-Йорка.

¹² имеющего.

¹³ Аристофан (444 – ок. 385 до н.э.) – древнегреческий комедиограф.

¹⁴ Лемуан Френсис (1798–1879) – американский врач и филантроп, построил на своей земле в 1876 г. первый в США крематорий.

¹⁵ Кремация барона Пальма состоялась 6 декабря 1876 г.

¹⁶ Фунт – единица измерения массы, равная 0,4536 кг.